

Вениамин Палагашвили

Временном
пространстве

Вениамин Палагашвили

**В ПЕРЕМЕНЧИВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Книга стихов

Фото Давида Ямпольского

Вениамин Палагашвили

**В ПЕРЕМЕНЧИВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

- 1.
Ташкентский двор**
- 2.
В архивах памяти**
- 3.
Дымы отчества**
- 4.
В переменчивом
пространстве**
- 5.
Назидания**
- 6.
Во славу тела**

Майнц · 2008

Вениамин Палагашвили
В ПЕРЕМЕНЧИВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Книга стихов

Редактор и составитель
Татьяна Зажицкая

Макет и оформление
И. Малкиэль

© Вениамин Палагашвили

ISBN 6-889-42-06

Майнц
2008

Вениамин Палагашвили

**В ПЕРЕМЕНЧИВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

ВРЕМЯ ДЛЯ СТИХОВ

Поэтами не становятся. Ими рождаются. А реализуется личность как поэт в стихотворной строке, строфе, стихе — книге, это уж как сложится человеческая судьба. Мой друг Вениамин, книгу стихов которого вы держите в руках, читатель, родился поэтом. Я могу утверждать это со всей ответственностью, — ведь дружбе нашей с ним вот уже больше полувека. Она началась и продолжилась в легендарном городе нашего детства и юности в голодные годы после второй Великой войны. Мы, пацаны, чьи отцы, к счастью, вернулись живыми с фронтов, мы никогда не задумывались над тем, почему это мы все, дети нашей улицы: евреи, армяне, грузины, русские, поляки оказались в этом среднеазиатском городе, в Ташкенте, городе и стране узбеков. Мы просто любили его, этот город, считали своим, и в каждом доме нас тогда привечали и подкармливали, кто чем мог.

Вениамин никогда не произнес этого слова — я поэт. Слишком велик был и остается его пиетет перед высокой Поэзией, которая с наступлением зрелости навсегда вошла в систему его ценностей. Также как и музыка, и литература, и живопись. Он с юности обладал свойством внимательно и пристально вчитываться, всматриваться, вслушиваться... Я даже не знаю, писал ли он тогда стихи? Тем более что профессию себе он выбрал настоящую, мужскую — инженера-строителя.

Раньше, чем у многих из нашей юной компании, сложились у него бескомпромиссные представления о человеческом Долге, мужской дружбе, профессиональной

честности, порядочности, способности к состраданию и сопереживанию чужому горю. И все эти качества удивительным образом сочетаются в нем с великолепной самоиронией, умением восхитится женской прелестью, чадолюбием, гостеприимностью, истинно грузинской щедростью и любовью к вкусной еде — застолию, естественно, с фаршированной рыбой и еврейским хоровым пением.

Влияние семьи?.. Мне выпало счастье бывать в домашнем кругу моего друга и наблюдать нежную любовь Михаила Захаровича Палагашвили к сыну, дочери и жене — Марии Михайловне Богуславской. Она была одной из самых обаятельных женщин, каких я когда-либо встречал. В сборнике ей посвящено шемящей печали стихотворение — «Красота».

А другие строки посвящены отцу:

*...Но был он невоинственным военным,
майором был вполне обыкновенным,
он не любил стрелять из автомата,
маршировать и муштровать солдата.*

*Считал устав не самой лучшей книгой,
не овладел служебной интригой,
не прятался за младшего по чину,
его вины в себе искал причину.*

*Он воздавал любому честь по чести,
хоть замечал: не каждый тем же платит;
проживший жизнь без зависти и лести,
отдавший почесть, чести не растратит!..*

Вы скажете, что я друг, и я пристрастен. Пусть так. А разве кто-нибудь не пристрастен к друзьям и тем, кого любит?

...Поэтами, прежде всего, рождаются, — это особая, данная свыше редкая способность по-особому чувствовать. Это ранимое и беспокойное сердце. Это огромная работа души и мысли... Поэтами рождаются, но далеко не всегда становятся — это вопрос судьбы, участи и многих других обстоятельств. Думаю, что Вениамин Палагашвили очень

долго и сам не сознавал, что он рожден поэтом. Не стремился печататься. Не издал ни одной книжки.

Так как все-таки появилась эта, первая? Ей предшествовало все то, о чем я сказал выше. Но понадобились перемена участи, передвижение в пространстве с жаркого Востока далеко на прохладный Запад, в другую цивилизацию, как говорится, резкая смена жизненных парадигм.

Все внешние реалии прежней жизни остались во времени и позади. Но то, самое драгоценное, «слишком человеческое» отстоявшееся и неизменное отлилось в эти стихи. Потому что жизнь, наконец, подарила ему время. Время для стихов.

Иосиф Малкиэль

ТАШКЕНТСКИЙ ДВОР

АВТОБИОГРАФИЯ

В темнице мрачной и сырой,
по родовым путям блуждая,
искал я выхода, мечтая
нащупать почву под собой.

Один во тьме, совсем раздет,
я плыл, не ведая реалий,
через теснины гениталий
и наконец увидел свет.

Увы, едва успев просохнуть,
я вдруг почувствовал с тоской,
как чьей-то крепкою рукой
спеленут — ни вздохнуть, ни охнуть!

Уложен в ряд себе подобных
не знал я правил строевых,
но выполнил беспрекословно
равнение на передовых.

С тех пор, живя в родном краю,
со всеми шел в одном строю.
На крик солиста: «Будь готов!»
хор отвечал: «Всегда готов!»

Мы строим шли, неся портреты
любимого авторитета,
твердя слова в конце куплета:
«Все как один умрем за это!»

В борьбе за Это сквозь года
мы шли сомкнутыми рядами,
и друг мой топал вместе с нами,
как оказалось, не туда.

Я, про себя кляня напасти,
спросил вождя: «Куда идем?»
Ответ был прост: «Идем мы к счастью.
На этот раз другим путем!»

Но в направлении другом
мы не увидели просвета.
Решив не умирать за Это,
мы оказались за бугром.

Теперь брожу в чужом краю —
и без вождя, и не в строю,
ташу сквозь жизни многоцветье
свое шестидесятилетье.

И зрелищ вдоволь здесь, и хлеба,
свободы — от земли до неба,
и этот мир вполне реален,
да жаль, что я в нем виртуален!

Декабрь 2003

ИЗ ДЕТСТВА

Старик Юсуп, кому принадлежал
за двадцать лет до моего рожденья
ташкентский двор, его преображал,
лепя из глины новые строенья.

Когда приумножавшему пора
пришла излишком поделиться с нищим,
Юсуп в чем был убрался со двора,
где в одночасье оказался лишним.

По высшей справедливости тех лет
он был вселен в каморку, где единство
с народом мог крепить, живя в тепле,
и там же проявлять гостеприимство.

Юсуп старел, выросла детвора,
соседей старых новые сменяли,
не знавшие историю двора,
и старика почти не замечали.

Он, увидав соседа, привставал
с радушною улыбкою восточной
и что-то по-узбекски бормотал,
не прилагая перевод подстрочный.

Привыкший и на русском слышать то,
что ожидал или желал услышать,
сосед кивал, но если б знал *на что*,
из оболочки собственной бы вышел.

Старик Юсуп мне первым преподавал,
и лучше остальных, почивших в бозе,
урок о языке. А я, как мог, воздал
Катта Рахмат ему в стихах и прозе.

Февраль 2005

КРАСОТА

На картонке пожелтевшей
след от жизни отшумевшей...
Кто-то сделал, не подкрасив,
три портрета, три лица —
материнских ипостасей
от начала до конца.

Юность, молодость и зрелость
уместились на картонке.
Видно ей недотерпелось
ждать фотографа в сторонке.

Не успела встретить старость,
но вкусить успела младость,
и лучится красота
с потемневшего листа.

Вьется прядь из-под берета —
довоенная примета...
— Разве есть у жизни вечер? —
распахнулася навстречу

неизведанным желаньям
и томится ожиданьем
безыскусна и проста
молодая красота.

В лице рядом — напряженность,
беспокойство и готовность
быть за все и всех в ответе,
удержать меня на свете,

обменять паек на мыло,
принести украдкой стылой
мне больничной затирухи,
чтоб не помер с голодухи,

поддержать отца в невзгоде,
чтобы боль его не смяла,
хоть он сам был сделан вроде
не из мягкого металла.

Но тревогу и усталость —
непокорна и чиста,
изменившаяся малость
побеждает красота!

Мать ушла, не дожидаясь
мук прижизненного тленья,
в ночь неслышно погружаясь,
как уходит день осенний.

Врач ее не тем лекарством
долго пользовал с улыбкой.
Мать, узнав, сказала: «Право
врач имеет на ошибку».

И без жалоб, чтоб не ранить,
уходила в высоту,
оставляя мне на память
материнства красоту.

Октябрь 2003

*Памяти
Михаила Захаровича Палагашвили*

* * *

Лукавый гений судьбами играет,
безумный вождь фигуры расставляет —
рожденный ползать — высоко летает,
и вновь сапожник булки выпекает.

Опять с надеждой на святого духа
поет певец, глухой на оба уха,
абсурдный мир остался неизменным —
вор стал судьей, а мой отец военным.

Но был он невоинственным военным,
майором был вполне обыкновенным,
он не любил стрелять из автомата,
маршировать и муштровать солдата.

Считал устав не самой лучшей книгой,
не овладел служебной интригой,
не прятался за младшего по чину,
его вины в себе искал причину.

Он воздавал любому честь по чести,
хоть замечал: не каждый тем же платит;

проживший жизнь без зависти и лести,
отдавший почестъ, чести не растратит!

И, как в немом кино, на черно-белой ленте
я вижу – он идет по улице в Ташкенте,
устало козырнул прохожему солдату,
и, к дому не свернув, прошествовал куда-то...

Декабрь 2003

НА ИЗЛЕТЕ

На Востоке обычай — в почете.
Будто свыше приказ выполняют
те, кто молод и кто на излете, —
выполняя, не обсуждают.

Для того его пращур представил
к исполнению ста поколеньям,
чтоб не жил человек без правил,
был судьей своему поведению.

Ну а тот, кто обычай не знает,
сам приходит к нему запоздало,
хоть не каждому срока хватает,
что значительно чаще бывало.

Потому старикам долговечным,
кто к шести промелькнувшим десяткам
и еще трем годам скоротечным
получил временную прибавку,

не положено жить по привычкам,
неизменным до этого срока,
а в обратном порядке странички
полистав, поразмыслить немного.

Должен этот старик оглянуться,
вспомнить годы свои с покаяньем,
не пытаться сокрыть, отвернуться,
избежать пред собою признанья.

Должен камни собрать и упрятать,
что бездумно разбрасывал прежде,
чтоб подобранный кем-то некстати
никому не доставил увечья.

Нужно сбросить привычные маски
— атрибуты прошедшего действия —
нет нужды продолжать лицедейство,
кроя розовым серые краски.

И еще старику не пристало
ждать в награду за годы почтенья,
если он приберет для финала
весь запас своего озлобленья.

Никому не отказано в праве,
начиная с урочного года,
лошадей поменяв к переправе,
обрести неземную свободу.

Ту, что снилась безумцам великим
и которой смешны предпочтенья,
что не принята скопищем диким,
хоть дарована нам от рожденья.

Июнь 2004

ОТЦУ НАЦИИ

Я в корне заблуждался —
был грамотен не шибко:
великое ученье —
бредовая ошибка!

К словам авторитета
отнесся легковерно:
«Учение всесильно,
мол, потому, что верно!»

По счастью, мне недолго
пришлось плутать в потемках —
другой отец народа
в заботе о потомках

зажег звезду Тимура,
при этом разумея,
что подарил заблудшим
народную идею.

И пусть Амир по праву
запомнился кровавым,
зато народу ближе
по вере и по нраву!

Неверных иноверцев
сменив на пьедестале,
на верный путь наставит
средневековый Сталин.

Замешана на вере
народная идея,
она давно знакома
арабу и еврею.

Она была оружием
арийцам и славянам,
она ножи острила
и туркам и армянам.

Народная идея —
сродни национальной:
народ — избранник божий —
велик потенциально.

Тот избран гегемоном,
а этот — для гоненья...
Коль жертвенник воздвигнут,
то будут и сожженья.

Найдем обоснованья
и в Торе, и в Коране,
за что погибнуть должен
еврей и мусульманин.

И снова повторится —
ведь не впервой, не так ли —
и «наше дело свято!»,
и «до последней капли!»

Звучат в тысячелетьях
то вопли заклинаний,

то клятвы об отмщеньи,
то шепот покаяний...

Не дал богатый опыт
избегнуть бед фатальных —
все дуем на уголья
идей национальных...

Июль 2003

* * *

*Памяти
Шаахмеда и Бахри Шаахмудовых.*

Ташкент прослыл как город хлебный
по той причине, что узбек
будь он богатый или бедный,
по сути добрый человек.

Пришелец — гость, пусть и неожиданный,
единоверец или нет,
блюдя закон национальный,
хозяин дома Шаахмед

откроет дверь, и к дастархану
его с порога пригласит,
и пловом с общего лягана
с лепешкой теплой угостит.

Он исхитрится так иль этак
взрастить чужих — велел Аллах
признать своими малолеток,
пятнадцать пришлых бедолаг.

Тогда не помышлял, что встанет
он в бронзе или чугуне

на площади в Узбекистане
с хромым Тимуром наравне,

что забурлит волна исхода,
в которой устоять невмочь,
от правоверного народа
все дальше удаляясь прочь,

что вслед за Гоголем и Горьким,
чье место отдано траве,
его отправят на задворки
страны с Исламом во главе,

который верным курсом правит,
его традиции живут.
Ему здесь памятник поставят
и по традиции снесут,

но место есть при Тамерлане
фигуре с поднятым перстом;
оно припасено заранее
под конским бронзовым хвостом.

Июнь 2008.

* * *

Независимость — лозунг бывалых вождей,
объявление новых торгов,
где по бросовым ценам сбывают друзей
на условиях бывших врагов.

Это время крушения столпов и основ,
устоявшихся с прежних времен,
это время подмены значения слов,
выбор новых мессий и знамен,

под которыми люди, сбиваясь в толпу
потекут наподобие рек
и сольются в народную массу, в ту,
где частица — не человек.

Ту лавину частиц не встревожит вопрос
Отчего? Для кого? Что потом,
когда камень, который столкнет прохвост,
устремит ее под уклон?

Лишь потом, погрузивши долину в хаос,
на горе ухмыльнется тот,
кто сочтет для себя разрешенным вопрос,
обращения народа в сброд.

Лишь потом, оказавшись на скотном дворе,
к ограждению припертый толпой,
человек распознает того — на горе,
и победу его — над собой!

О ТОЙ ПОБЕДЕ

О той победе на крови
сегодня множатся трактаты –
так беспристрастно, непредвзято
кастрат толкует о любви.

Солдат обучен убивать,
платить бедой в ответ на беды,
но не ему предугадать,
кому достанется победа.

Кто б мог тогда вообразить,
что доведется тем солдатам
о победителях судить
по отдаленным результатам,

когда, припрятав ордена,
предпримут вновь поход на Запад,
чтоб побежденная когда-то
их приютила сторона.

Сравнились слава и позор
солдат советских и немецких.
Приказ – солдата довод веский,
а исполнение – не в укор!

И конвоир, чей «Hände hoch!»
затихнет в памяти едва ли,
шепнет «Vergessen Sie es doch»
в раскаяньи немой печали.

В ответ услышит тишину:
молчанье рядом — знак согласия.
Солдаты прокляли войну
столь долго жданным соучастьем.

И тот, кто от побед устал,
не станет ими прославляться,
когда он должен опасаться
потомков тех, кого спасал.

И славить подвиги былые
и павших *всуге* поминать,
коль уцелевшие живые
бегут на Запад доживать.

Май 2005

* * *

На чашах весов вековечно
качаются вместе две меры —
на правой — любовь, а на левой
уложены тяжкие гири,
отлитые из матерьялов,
которых немерено в мире:

их отливают из страха,
неправедной веры и злобы,
из жадности, ревности, буйства,
пристрастий сомнительной пробы,
из жажды иных ощущений,
из высших соображений...

И вот уже сдвинулась стрелка,
дрожит у дозволенной грани,
а мы, не скупясь, добавляем
все новые гири — из брани,
обид, раздраженья глухого,
упрямства, что твердо и тупо,
своей правоты доказательств
насчет несоленого супа...

Все полнится левая чаша,
а правая чаша — пустеет,

и то, что ее наполняло,
погасло, остыло, не греет.
Из пепла ничто не родится,
и Феникс вовек не воспрянет.
И тяжело слепого убийцу
свое же оружие ранит.

Июль 2003

* * *

Есть большое искушенье
заглянуть в окно к соседям
и с приятелем в беседе
поделиться впечатленьем.

Разве нам не интересно,
приоткрыв завесу тайны,
неизвестное в известном
обнаруживать случайно.

Нет запретных тем в познании
судеб, дел и биографий,
в рассуждениях о деяниях
персонажей с литографий.

Славен труженик культуры,
приносящий регулярно
в дар родной литературе
свой азарт эпистолярный.

Он заменит нам прочтенье
строк, исполненных тревоги,
слов, рождающих смятенье
в поисках пути-дороги.

Он приблизит к нам поэта,
оживит его обличье,
пыль смахнет с его портрета
вместе с аурой величья.

Заглушая звуки лиры
обитателя Парнаса,
ждет свержения кумира
человеческая масса.

Искушенный обличитель
углядит большое в малом,-
устоит ли небожитель
перед позором и скандалом?

Нет не зря, стряхнув дремоту
голосит петух натужно
след куриного помета
в груди зерен обнаружив.

РАЗГОВОР

— Чем маешься, старик, иссяк?
Иль чем болеешь?
Иль прожил наперекосяк,
Себя жалеешь?

— Покуда на своих ногах
и вижу в оба;
просветы на земных кругах
ценю особо!

Себе созвучье нахожу
вдали и рядом,
равнодушно провожу
красотку взглядом.

Все впопыхах синиц ловил —
поймал немало.
А журавля не уследил,
но не бывало,

чтоб горевал, коль не достал,
зачем тянулся.
Печаль о тех, кого терял,
кто не вернулся...

– Старик! Наверно, ждешь похвал?
Надежды мало!
Ты вял, как я не рисковал,
жил вполнекала,

часы с рублем соизмерять
не научился
и новым временам, видать,
не пригодился.

– Да, не вместить калибр твой
в мою обойму,
но нужно мне не быть собой,
чтоб жить по-твоему.

На это час и даже миг
я не потрачу.
Ты, к сожаленью, не постиг
моей удачи!

СВОЯ ИГРА

Нет, я не туз, и не король, не дама!
Я даже не валет, в чем нелегко признаться;
при взгляде на меня нетрудно догадаться —
шестерка я, притом некозырная.

Колода старая, с потертыми углами
таит азарт и страсть, любима шулерами;
хоть всеми, кто мне в масть, всегда бывала бита,
в колоде я — своя и этим знаменита!

При внешности простой себе я цену знаю:
с семеркой не вожусь — крупней предпочитаю!
Пусть ценности сама собой не представляю —
с тузом и королем очко я составляю!

Презренье королей и снисхожденье дам
до времени терплю. Я волю дам словам
в миг, выпадет когда мне козырная масть!
Я буду крыть тузов, их поминая мать!

Хоть я не молода, люблю в салонах модных
по-прежнему играть в кругу себе подобных.
Здесь я могу забыть приличие показное,
здесь я могу плевать на все некозырное!

Прочерчены шестеркой – писал старик Ключевский, –
великих биографий заметные штрихи:
как выпадет шестерка – бледнеет Достоевский,
и что-то шепчет Пушкин, наверно, не стихи.

Игрок предполагает, что в карты ОН играет.
Он в этом заблуждены годами пребывает,
на самом деле – карты играют игроками,
и это – аксиома, проверено веками!

Играю игроками в блестящем окруженьи,
внимание компании приковано ко мне.
И в этом – наслаждение и самоутверждение,
и самоуважение. Я счастлива вполне!

Июль 2003

В АРХИВАХ ПАМЯТИ

* * *

Вначале было Слово.
Свидетель Иоанн
благовещал толково
да слушатель — профан.

К тому же откровенью
помехой — бытие
надолго помутило
сознание его.

И в этом помутненьи
попробуй разгадай —
каким то слово было —
«поверь» или «познай»,

а может быть, — «надейся
и сбудется, терпи!»
А может быть, «добейся,
борись и победи!»

А может, слово было
как выстрел холостой,
и не было в нем истин,
иначе бы Толстой,

Сократ, Платон и Плиний
и сотни мудрецов
давно б им осветили
дороги праотцов.

И не было бы воплей
блуждающих впотьмах,
героев поневоле,
провидцев на крестах.

А может, слово было,
которым патриот,
чужой избличая,
ославил свой народ.

Видать, мужик с понятием,
старался неспроста —
вложил навек проклятье
в народные уста.

И в консонансе с эхом
проклятья всех времен.
Не все проходит! — в этом
ошибся Соломон.

И если б выбрать Слово
мне пращур завещал,
назвал Превозможенье
началом всех начал.

Не утомляя Б-га
мольбами «Помоги!!!»,
приказываю строго
себе: «Превозмоги!»

Май, 2006

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Творящему вне времени
— особенно пером —
оплатой служит премия
петлей иль топором.

Цепным железом бряцая,
глядят поверх голов
без кожи и без панциря
с вершин своих голгоф.

Проверят говорящего
костром или крестом
и раны — настоящие? —
обследуют перстом.

И вера мукой меряна,
и подлинность любви
веревкою проверена
в елабужской дали.

Марина свет Ивановна!
Оборванную нить
меж Вами с Ариадною
позвольте съединить

и длить ко Храму главному,
где Ваш иконостас,
чтоб мне, неправославному,
покаяться за нас.

Декабрь 2005

ПАМЯТИ М. А. БУЛГАКОВА

Спешим вперед по направленью взгляда...
Затылок слеп, от прошлого подальше!
Там впереди соблазны к достиженью
неведомых прозрений и открытий,
фантомы целей, призраки успехов!
Путь недалек — не дальше горизонта —
к искомому достатку и покою.

— За поворот! — торопит любопытство,
надежда гонит, время подгоняет,
— ты не один — толпа тебе подобных.
Спеши вперед, не время для оглядки!

Вот поворот! За ним зигзаг покруче...
Еще немного вдаль! И вдруг открылся,
хотя нежданный, но вполне знакомый,
тот самый зал в убранстве театральном.

И Воланд при свечах, не постаревший,
справляет бал, и Кот гостей встречает,
чьи имена на памяти и ныне, спустя века,
и тех, кто во плоти, но приглашен
к почетному участию.
Бредет толпа юнцов чернобородых.

Ступают неуверенно — незрячи;
ослеплены не солнцем — полумесяц
лишил их зренья, высветив дорогу
к гибели своей и тех, кто рядом.

Их поводырь — пигмей в защитном френче,
на лацкане — значок лаурета,
вполне доволен: им, хвала Аллаху,
зеленый флаг — защита от прозренья.

Здесь президент с ухватками ковбоя
и Папа Иннокентий, встав у входа,
сверяют план очередного боя
Девятого крестового похода.

— Мы видим в том свое предназначенье,
чтоб освещать дорогу неразумным
и убедить, — ковбой вздохнул, — чем можем,
принять подарки наши — во спасенье!
— Скажу как старший: истинную веру
удобней слать стрелой из арбалета!
— Была бы цель, а способы и средства, —
спокойны будьте, и у нас найдутся.
Нет той цены, чтоб мы не заплатили
во имя демократии и веры!
— Примите, юный друг, мое почтенье!
Рад! Восемь сотен лет не разделили
нас с Вами ни в вопросах, ни в ответах!

Вот новый гость, на деле показавший,
как с «новым «мышленьем» кухарка может править.
Дай только «начать!» Дальше сам собою
«процесс пошел!» Опять — до основанья...

Шепча ему беззвучные проклятья,
проходят тени — бывшие вассалы.
Среди следов прижизненных отметин —

расстрельных ран, петли для удушенья,
на всех горят печати поцелуев,
пожалованных им перед закланьем.

— Не время ль посочувствовать Иуде? —
Кота глумливый Воланд вопрошает, —
подобное содеяв лишь однажды,
и в покаяньи тяжком удавившись,
две тыщи лет как ходит под проклятьем.
— Вполне согласен, — Кот кивнул, — тогда уж,
прошу, мессир, простить Макиавелли
его призыв к грехам и преступленьям
во имя укрепления государства.
Нельзя слова злосчастливого Никколо
равнять с преступным делом государя,
назвавшим разрушение свободой!

— А мне, мессир, хотелось бы о деле.
Я, Азazelло, призванный слугою
беспрекословным быть, послушный Вашей воле,
который век исправно и с пристрастьем
караю души падших, преступивших
законы, установленные свыше.
Насколько разумею, наше дело
творится в назидание живущим,
чтоб утратить их неизбежной мукой
и тем предупредить грехопадение.
Коль я неправ, тогда деянья наши,
Вам не в обиду, были б самоцелью.
Однако ж, неусыпные старанья,
наш опыт, трудолюбье и умение
не сокращают мерзости двуногих.
Напротив, умножение поголовья,
их небрежение законом и порядком
с неукротимой страстью к истребленью
иль к ограбленью стад себе подобных
к невольному приводят размышленью

о тщетности деяний наших. Впрочем,
пугать загробной мукой нечестивцев —
не то лекарство, не от той болезни.
Они дошли до саморазрушения,
падение назвав путем к прогрессу.

— Мессир! Великодушно извините
за то, что я, — прокашлял Абадонна, —
в ваш разговор встреваю. Не умею
болтать, как Азazelло, — также складно.
Не научился, не до разговоров...
Себя я помню только на работе:
все при лопате, все в цеху горячем.
Работал с огоньком, не для карьеры,
а за идею. Все хотел как лучше.
Мне не забыть недавнего клиента,
сказавшего как будто с одобреньем:
— И Вам чегтовски хочется габотать?! —
Видать, судил о деле с пониманьем.
Мужик толковый. Я к нему проникся
и даже сбавил чуть температуру
в его котле, признавши в нем коллегу.
Однако к делу. С речью Азazelло
согласен я. Работаем бессменно,
а толку — чуть. На очереди — толпы.
Хочу напомнить, кстати, их создатель
не раз терял терпенье, наказуя
болезнями и мором негодяев.
Губил водой всемирного потопа,
испепелял Содом, затем Гоморру —
неизлечима подлая порода!
Они законы ставят в услуженье
своим порокам, судят неугодных,
чинят расправы, ложью кроют правду,
лукавство именуют правосудьем.
Скажу, мессир, по правде — надоело
томиться безнадежными трудами.

Не лучше ль исполнение наказания
доверить им самим — неукротимо
стремление их к самоистреблению.

Свое молчанье терпеливый Воланд
прервал: — Наскучило мне слушать
слова, вас недостойные. Неужто
вас впечатлил недавний сочинитель,
пославший нас — в своем воображении —
в миры иные, дальше от планеты —
исчадья зла, вместилища порока?!

Ему простительно — его существованьем
был краткий миг — с рождения до смерти.
Лист опадает — дерево остается!
Трепещет лист при дуновении ветра
из опасения быть сорванным до срока,
страшится града иль в тени остаться.
То прячется среди прочих в непогоду,
то, оттеснив других, стремится к солнцу.
Ему б поспеть отшелестеть и сгинуть.
Еще его заботит крепость ветки —
его опоры ближней, но не древа!

Созданье тварное — конечно, мы же — вечны!
Нам чужды их убогие мерилы,
смешны их страсти, но смешнее б было,
им уподобясь, спутать направленье
и, поступаясь своим предназначеньем,
вернуться в хаос. Но не сломит древа
напор людских бесчинств и их безумства
до той поры, пока надмирный разум
их не покинет. Смысл предначертанья —
неразделимо Сущее и Вечность!

Нарушь единство — рухнет мирозданье.
Тогда и мы останемся без дела.
Кому не ясно — может быть свободен.
Займете место среди своих клиентов.
Не беспокойтесь — заменю любого!

Известно вам, как я люблю работать. –
Не устаю и не подвержен лени!
А коль согласны – перерыв окончен.
Прошу за дело. Ты, Коровьев, тоже.
Спасибо всем, и – за работу. С Богом!!!

УЖАСЫ

Прозванный Грозным Иван,
поучая с пристрастьем потомка,
череп ему проломил,
желая достичь пониманья.

Множа традиции эти
в общении с ребенком,
Петр на плаху послал
неразумное чадо.

Яркий урок воспитанья
дан детям и взрослым надолго,
в коем любовь отступила
пред чувством гражданского долга.

Обе красотки убиты —
Кармен и Земфира —
страсть направляла кинжалы
Хозе и Алеко.

Ревность затмила рассудок
героя Шекспира —
стала судьба Дездемоны
трагедией века.

Стенька, созвавший братву
для гульбы и разбоя,
воле друзей вопреки,
персиянку любивший,

вскоре однако решил,
что ее утопивши,
станет (и он не ошибся)
народным героем.

И чем дальше — страшней:
у попа появилась собака,
он ее полюбил,
и она ему тем же платила.

Но пропал кусок мяса,
и поп, обратясь в вурдалака,
позабыв про любовь,
поступил как нечистая сила.

Жаль собаку, печальней другое —
быстротечность развития действия,
заключенье которого горько:
как любовь сопредельна злодейству!

Я пишу это ночью. Не сплю,
эту жуть вспоминая...
Чем закончится ночь? Я боюсь,
хоть надеюсь на чудо.

Ведь не зря ты так грозно
глядела в лицо, дорогая,
когда я, припозднившись,
пришел и не вспомнил, откуда.

Октябрь 2007

* * *

В музее – тишина. Мгновения эпох,
что памятливы, но большей частью – в бозе,
в обличии скульптур живут в анабиозе
и дышат. Коль не глух, услышишь этот вздох.

Встревожит чей-то взгляд в загадочном сфумато,
нежданное открыв на удивление вам;
так вождь был поражен звучанием сонаты,
забыв, что призван бить по головам.

На то и тишина... Несуетливой кистью
портрет иль натюрморт, доверенный холсту,
не соединит толпу невидимую нитью
– скорее разобщит, повергнет в немоту.

Но зрелище борьбы организует хор,
настроив в резонанс разноголосье. Зритель
свой унисон арене шлет. Напор,
прорыв, финал и рев! Родился победитель!

Игра вничью – скучна. Взволнуется всерьез
толпа, коль рухнет бык иль, обронив мулету,
тореро хрипом возвестит апофеоз,
прервет корриду, на рога воздетый.

Распознается в рокоте арен оживший Рим.
Трибуны Колизея объаты предвкушением апогея,
и голоса гетер, патрициев, плебеев
сольются в клич «Добей!!!» — вердикт неоспорим.

А тот, кто над толпой, — свою игру вершит,
поделит плебс на две неравных части
и на арену их с трибун переместит,
пообещает хлеб и напорочит счастье

тому, кто победит. Оставшихся в живых
разделит вновь на «наших и «ненаших»,
добьет сподвижников, приблизит молодых,
те проклянут его и оправдают павших,

назвав уловки собственной игры
теорией и практикой борьбы.

апрель 2006

* * *

Увидеть лучше раз, чем много раз
подряд услышать — глаз вернее уха.
Но, если сам обманываться рад —
в лукавстве зренье не уступит слуху.

Бесцветный воздух, глаз, преобразив,
окрасит в синь сияющую бездну,
иль в сумраке химер нагромоздив,
тебе мираж покажет безвозмездно.

Не доверяя собственным глазам,
увязнешь в смуте и, поддавшись страху,
благоразумно надеваешь сам
смирительную на себя рубаху.

Надежною стеной отгородясь
от прелестей азарта и беспутства,
предашься сожалениям, томясь
непознанным восторгом безрассудства.

Что не дал случаю себя заморозить,
отчаяться и вновь очароваться,
грешить и каяться и снова согрешить,
разрушить и создать, упасть и вновь подняться,

что не посмел, рассудку вопреки,
за грань переступить и возвратиться,
со временем бежать вперегонки, —
успеть свершить, а после удалиться.

Февраль 2005

ВОПРОСЫ

Был предназначен человек
для действия благого,
да жаль, никто не подсказал
конкретно — для какого?
Не стало благонравие
всеобщим достояньем
не внемлют предписаниям
строптивные созданья!

Тот вожделен желанием
к чужой жене греховным,
а этот бредит наяву
деянием нескромным.
Один кумиры сотворил,
другой гордыню не смирил,
а тот себя перекроил,
стал нетрадиционным

Зачем же Бог создал для нас
так много искушений,
хоть сам же предостерегал
от всяких прегрешений?
И почему он всем подряд
не дал благоразумья

и для чего подвергнул нас
соблазнам и безумью?

Зачем он праведных обрек
при жизни на мученья,
а грешникам пообещал их
после преставленья?

Предупредил: «не осуди
и будешь несудимый»,
но для чего же допустил
он суд несправедливый?

И почему лишь иногда
прозренье наступает,
а многих вовсе никогда
оно не посещает?

Вопросов тьму не дал постичь,
не захотел ответить.

— Чтоб сомневаться научить
во всем на этом свете!

Февраль 2004

* * *

В архивах памяти, как в доме скопидома,
ничто не выброшено, все сохранено.
Забывчивость архивам не знакома,
забыть бы кое-что, да не дано.

Здесь лозунги, зовущие на бой
за мир, за урожай, за равенство и братство.
Они для нас прописаны судьбой
в эпоху всеобъемлющего блядства.

Обрывки уз, цепей, оков и пут
из звеньев расставаний без прощаний,
которые, хоть сброшены, — гнетут
неисполнением данных обещаний.

Лежат в пыли тома историй мнимых
былых побед, ничем не отделимых от
поражений, трактуемых теперь наоборот,
и меж собой почти неразличимых.

Перебираю в этих закромах
предметы, бывшие мерилom вожделеня,
лучину жгу, чтоб отыскать впотьмах
то, что еще пригодно к применению.

Под ветошью лукавых слов «*Почти,
едва, немного не... и если б*»...
искать бессмысленно, хоть все перешерсти:
ведь если что и есть, то уж не рядом с если б.

Зерно лежалое от плевел отделив,
сегодня сеять будет безнадежно.
Хотя цена, казалось, непреложна —
его уже не оживить, полив.

По дебрям памяти с улыбкой на устах
блуждает тот, кто сам себя прощает
за то, что в им покинутых местах
отсутствия его не замечают.

Декабрь 2004

ДЫМЫ ОТЕЧЕСТВА

* * *

Который год пошел тому,
как отдалившись от порога,
я не своей качу дорогой
и не в своем живу дому.

И, сидя не в своих санях,
не успеваю за мельканьем
картин с неведомым названьем
следить в привидевшихся снах.

Который год пошел тому,
как я с концом связав начало,
гордыню дифференциала
под символ интеграла гну.

Который год пошел тому,
как свято место пусто стало,
исчезло то, что составляло
потребу сердцу и уму.

Но, утешаюсь: чтобы жить
и не довольствоваться малым
не нужно профессионалом
иль равным среди равных быть.

Минутам счета не веду
да и часов не наблюдаю.
Житье за счастье почитаю
пусть не в раю, да не в аду!

И потому, пока могу,
пред животворным преклоняюсь,
ликую, злюсь, грешу и каюсь
пока могу, пока могу...

Февраль 2006

* * *

Бурлит еврейская община.
Она из гласных состоит
и с ними, равными по чину,
согласных — словно алфавит.

В разноголосье гласных чаще
согласных звонких и глухих
звучит могучий хор шипящих,
перекрывая остальных.

Наверно, возлюбить еврея
араб сподобится скорей,
чем в правоте один еврей
другого убедить сумеет.

Разоблаченьями грозя,
в общину, как на баррикаду,
на вечный бой свои отряды
ведут заклятые друзья.

Но в битве громкоговорящих
бойцам победа не грозит,
поскольку русский без шипящих
не существует алфавит.

ТЕРПЕНЬЕ, ГОСПОДА

Когда исполнилась мечта
о полном брюхе,
не угрожает нищета
и нет разрухи,
когда дают, не требуя платить,
и нет нужды вождей благодарить,

когда за каждое нечаянное слово
не ожидается полночного отлова,
не надо торопиться и хитрить, —
что будем делать? — Будем говорить!

Мы будем говорить!
Возможно ли молчать,
когда не укротить
желания звучать?!

Мы гоним время вспять,
мы оживляем тень,
в который раз встречать
идем вчерашний день.

А что там впереди?
Пустыня или сад?

И как вперед идти,
когда глядишь назад?
Во тьму не забрести б,
что выведет тогда —
пяти — или шестиконечная звезда?

Утешься, русский гость,
прибывший навсегда!
Утихнут страх и злость,
терпенье, господа!

Шагнувший через век
из шахты на-гора
не поднимает век —
спелят прожектора...

Почтения — не ждать!
Но сын придет когда,
возможно, шляпу снять
придется, господа!

Своим был Герострат,
а из чужих — Сократ!
Не довод — нет, надежда — ДА!
Терпенье, господа!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

В стране Благополучия,
в краю Благообразия
пахнет по воле случая
дымком из Средней Азии.

Напомнит обоняние
далекое отечество,
окутав обаянием
прожитое с младенчества.

Исторгнутый мангалами,
дым вьется над дувалами,
пьяня клубами пряными
патырными, лагманными.

ЧAPAN накинУ стеганый
в сырую ночь осеннюю,
не сплю, вконец издерганный
своими сожаленьями:

все чаще дым отечества
своими ароматами
пугает человечество
несходством с азиатами,

что плачут над осколками
порушенной традиции
ценить копейкой звонкою
на равных кровь с водицею.

Народ выходит толпами,
чтоб славить повелителя
и, проклиная шепотом,
зовет своим родителем.

Где стерпится, там слюбится,
дойдет до обожания —
глядишь, и впрямь почудится
всеобщее признание.

Цветы единогодушия
благоухают тлением,
суля полузадушенным
плоды долготерпения,

когда, огладив бороду,
придет двойник в чалме
того, что в центре города
на бронзовом коне,*

тропу укажет древнюю
предшественнику в ад
за то, что тот неверному
не объявлял джихад,

и зарулит по-своему —
да так, что свет в окне
лишь редко, ночью темною
привидится во сне.

И мечется отечество
в дыму — да не в огне!

Когда-нибудь излечится,
да точно не при мне.

Ноябрь 2007

* В центральном сквере г. Ташкента на месте последовательно сменяющихся памятников (Кауфману, Сталину, Марксу) установлена конная статуя Тамерлана.

* * *

Переменчивый ветер в апреле,
то затихнет, то вихрем закружит,
пробуждая дремотные ели
колебаньем игольчатых кружев.

То в лицо мне, то в спину повеет,
то умерит мой шаг, то ускорит.
Будто хочет сказать, да не смеет,
то ль согласен со мной, то ли спорит.

Силюсь в шепоте этом невнятном
проясниться догадкой смутной —
если встречный такой благодатный,
почему так тревожит попутный?

Ветер встречный меня убеждает
воротиться назад, оглянуться:
«Неизвестность тебя ожидает,
не дойти тебе, не дотянуться!»

Тон попутного — резкий и строгий:
«Нет нужды в утешеньи превратном.
Направление этой дороги
исключает движенье в обратном.»

Что поделаешь? В выборе тесном —
лишь вперед — не стоять же на месте.
Впрочем, мне повезло — ведь в известном
вряд ли много найдешь интереса.

Апрель 2005

ПИСЬМО НА РОДИНУ

Когда-то в детстве я учил стихотворенье,
оно в меня вселяло духа бодрость,
а помню лишь строку из сочиненья,
что «у советских собственная гордость!»

Живу в Европе я давно, и это странным
считать нельзя — ведь был я парнем резвым,
соображал, что сытым быть и пьяным
приятней, чем голодным жить и трезвым.

Хоть здесь я как за пазухой у Бога:
всего сполна, одет почти по моде,
прошу еще, мне не бывает много.
Все «Gott sei dank», как говорят в народе.

Евреев здесь все больше — жаль, признаться,
моя бы воля, каждому б навешал,
но мне нельзя, я должен воздержаться, —
ведь я по ихней линии приехал.

Со скуки я объездил всю Европу.
в Париже — грязь, кругом собаки гадят,
был в Греции, бродил по козьим тропам,
в Берлине был в каком-то зоосаде.

Мне платят так, что на прокорм хватает.
Когда хочу, пью пиво под закуску,
а мало, так бесплатно добавляют —
прознали, что халява нам по вкусу.

А сами пьют немного — смехотура!!!
Свой trocken Wein — сухач — предпочитают.
У них, видать, в питье — своя культура,
им водка — дорого, я их не осуждаю.

В садах у них не приняты заборы,
отсутствуют запоры и капканы.
Хоть тачкой вывози в ночную пору —
дивлюсь, на что надеются, болваны?!

А дружбы ждать от немцев неуместно —
нет уваженья с первого стакана...
Душевности и чуткости, известно,
у них не больше, чем у истукана.

Язык их не учу принципиально —
здесь даже «Wie viel kostet» знать не надо —
ведь цены на товар для нас специально
по-русски нарисованы помадой.

Здесь кризис. Я смекнул: ведь это признак
гниения их системы чистогана!
Напоминал — в Европе бродит призрак!
А им как будто все по барабану.

Они, наверно, недоумевают,
зачем им я, коль им бюджет обужен?
Но если приняли, то, значит, я им нужен,
а если нужен, пусть и уважают.

Я буду добиваться, чтоб в фертраге
был пункт об уваженьи — как в ландтаге.
Я проявлю настойчивость и твердость —
ведь у советских — собственная гордость!

Ноябрь 2004

* * *

Шумит ночной Лорет-де-Мар,
Ликует праздный мир.
В толпе фланирующих пар —
поющий сувенир.

Гармонь, поддевка, сапоги,
распахнутый футляр,..
и эхо с Волги и тайги
звучит в Лорет-де-Мар.

То эхо — память о стране,
где все — наоборот,
где сеют «ДА», а всходит «НЕТ»
и бед невпроворот.

Там все надежды — на «авось»,
расчета нет верней,
а коль свершенье не сбылось,
то под рукой еврей.

Сквозь дрему и похмельный храп
там ждут, что повезет
с вожжами: как уйдет сатрап —
блаженному черед.

Я ту страну своей зову,
не распрощаться с ней,
хоть я давно вдали живу
и вряд ли нужен ей.

Запел земляк про темну ночь
и смолк, как оборвал.
Мне б в самый раз ему помочь,
да в горле ком застрял.

Сентябрь 2005

ЗАПОВЕДНИК

В дебатах с участием
Гринпис и зеленых
всерьез обсуждался
вопрос о бизонах.

Ущербна природа:
в Европе потеря —
нигде не сыскать
благородного зверя.*

В чащобах лесных,
в отдаленных предместьях
их много водилось
в прошедших столетьях.

В недостатке кормов,
и при этом условия
заметно бизонов
росло поголовье.

Несхожие с прочими
мастью и статью,
необщих повадок
послушные власти,

не робки, но в драку
не прут без причины,
бывают бои,
но — в пределах общины.

Тот год по несчастью
принес перемены:
то сушь и жара,
то воды по колено.

Погибли посевы —
побило их градом
и чей-то ребенок
накрыт камнепадом.

Из слухов же следует
верно и складно,
что это бизоны,
они — кровожадны,

что травят хлеба,
и чем дальше, тем пуше,
что губят детей,
заблудившихся в пуше.

Разносятся слухи —
предвестник отстрела.
Отстрел, как и травля, —
азартное дело!

— В хорошей охоте, —
заметил стрелец —
и пуля не дура,
и штык — молодец!

И старых, и малых —
в упор и навскидку,

и в грудь, и в затылок,
ощерясь улыбкой...

Побольше успеть,
пока солнце не село;
чуток отдохнули
и снова за дело.

Устроена лихо
кровавая баня —
серьезному делу —
большое вниманье.

Пока не добиты
последние твари,
не стихнет пальба
в европейском сафари.

Прошло полстолетья,
и с новым мышленьем
решили одобрить
проект «Возрожденье»:

создать заповедник,
взрастить популяцию
и обеспечить
ее интеграцию.

Начался поиск,
но, как оказалось,
бизонов в Европе
совсем не осталось.

Но кто-то, гуляя
в погоду погожую
видел в Евразии
что-то похожее.

Срочно решили
отправить вагонами
тех, что по метрикам
были бизонами.

Их ожидали
леса и поляны,
в надежном запрете
силки и капканы,

угрозы бескормицы
нет и в помине
достаточно сена
травы, витаминов;

в опасных местах
возвели огражденья,
условия созданы
для размноженья.

В раю, где даровано
право на праздность,
не просто осмыслить
целесообразность

усилий, стараний,
труда, напряженья —
не нужно побед,
не страшны пораженья.

О хлебе насущном
заботы не знают,
борьбы и единства
закон забывают.

Пришельцы косматы,
бодливы, но все же

на прежних бизонов
совсем не похожи.

Те корм добывали
под снегом сокрытый,
а эти — мычат
у пустого корыта.

Те — злы, защищаясь,
становятся кругом,
а эти — в смятеньи
бодают друг друга.

Собрали совет.
Несмотря на сомненья,
решили — на время —
продлить наблюденья.

При этом участникам
эксперимента
присвоить название
Fluchtkontingent'a.

Масштабная цель
и гуманность решения
повсюду снискали
к себе уваженье:

— Нелепы в прогнозах
тревожные темы,
оставьте для внуков
решенье проблемы...

— А коль все сначала:
и слухи, и ропот?
— Им вспомнится наш
исторический опыт.

Ведь вьется истории
нить по спирали,
а это потомки забудут едва ли.

Август 2003

* Каюсь в неточности. Бизоны истреблялись в Америке и Канаде. В Европе уничтожались их ближайшие родственники — зубры.
(Прим. автора)

В ПЕРЕМЕНЧИВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ...

* * *

Памяти Юры Гольденштейна

От Голодной степи
до парижских аллей
шел, не чуя вины
за собою, еврей,

хоть известно, такой
не бывало страны,
где б водился еврей
без печати вины.

Он шагал напрямик —
ни в обход, ни тайком,
не боясь наступить
на стекло босиком.

Без опаски живя
с просветленным лицом,
верил в добрые сказки
с веселым концом:

что ревнитель Аллаха —
гость в еврейской семье
а кто ждет Машиаха —
зван соседом в чалме,

что не стать инородцу
добычей ворон
и не быть миротворцу
битым с разных сторон,

что вражда есть химера,
кто вчера осужден
был на крайнюю меру
будет завтра прощен.

До последнего веря
в эти светлые сны
стал моею потерей
непомерной цены.

Поминальные свечи
вещают о том,
что продленье надежд
обернулось концом.

И раввин, кабы был
справедливым к другим,
то греха бы не числил
за другом моим,

и судил бы о нем
по мерилам иным,
когда наспех читал
«Эль мале рахамим»

Июнь, 2007

* * *

Тане

Бескомпромиссна и чиста,
сужденья — здравы, мысли — внятны.
Твой дух высок — не мне чета!
В словах не прячешь смысл обратный.

И лозунг твой тебе подстать —
Душе с одеждой быть опрятной!
Ты извела б на солнце пятна,
когда б могла до них достать.

В оригиналы не гожусь,
живу в привычном состоянии —
ты пополняешь содержание,
я с формой твоей вожусь —

согласье доводя до нормы
меж содержанием и формой.

Март 2005

* * *

Тане

Мы были молоды вчера,
Страстями ярки.
Несли прохладу вечера,
а ночи — жарки!

Идем в кино по выходным,
а в гости — по субботам,
низ — чесучевые штаны,
а верх — из коверкота.

Секунда — день, минута — год,
мелькает время,
Не предусмотрен задний ход
его течение.

Жизнь ожиданьем заменить —
побойся Бога!
Но не порвись надежды нить —
длинна дорога.

Я не успел вопрос задать,
а ты — ответить —
А был ли я тебе подстать
на этом свете?

И если «Да» — не отвечай —
светла тревога,
а нет — так не руби сплеча,
остынь немного.

Покуда мы с тобой вдвоем —
не быть печали.
А что потом? скажу о том
Тебе едва ли.

Но повторяю; — жизнь не трать
на ожиданья.
От встречи с ней рукой подать
до расставанья.

НЕ ЖАЛЕЙ

Тане

Живем по единой программе с рожденья:
желания выбор — стремленье — свершенье.
Но часто в свершеньи — разочарованье,
спешит сожаленье на смену желанью.

Чего пожелать и о чем сожаленья?
Не сложен вопрос, да не просто решенье:
понятны желанья, коль ночью не спится,
в суставах ломота, болит поясница.

А тот, кто не стар и здоров от природы,
объят сожаленьем известного рода —
что нет на счету миллиона, другого
и, собственно, счета нет как такового.

Что ездит в трамвае, а не в «мерседесе»
и мысли его не цитируют в прессе,
что брюки, где прячется кукиш в кармане,
пошиты в Китае, а не у Армани.

Но есть сожаленья, когда уже поздно,
когда изменить ничего невозможно,

когда — уже не с кем, когда — не исправить,
нельзя повторить, переделать, наладить.

Не явится добрая фея из сказки,
красотка напротив не сделает глазки,
и памятным знаком на вечное время
сверкает, как зеркало, лысое темя.

Жалея тебя и любя, пожелаю:
— живи, ни о чем не жалей, дорогая!
Ведь счастлив лишь тот, кто умеет быть счастлив,
пока ты со мною — я в этом удачлив.

Март 2004

* * *

Л.Б.

Как бойко катит колесница
за тыщи верст, лишь на момент
притормозит ее возница
при виде надписи «Ташкент».

Дано ли времени иль ветру
порвать связующую нить?!
— очередному километру
ни быль, ни боль не отдалить.

Знакомства, ссоры, судьбы, лица —
мельканье зим, мельканье лет;
несет шальная колесница,
лишая времени примет.

Но в ритме твоего дыханья,
наката волн и смены дней,
в таинственном чередованьи
печалей, радостей, страстей

сокрыты прелести мгновений,
неисчерпаемость чудес

и долгожданных озарений
как бы ниспосланных с небес.

И бесконечностью повторов,
что новью кажутся иным,
прекрасна жизнь и вечна Флора
в созвучьи с именем твоим.

* * *

С. К

Благодарю тебя, сестра,
что силишься непонарошку
и раздуваешь головешки
недогоревшего костра.

И пыль, как с лампы Алладин,
стираешь с древностей Востока,
чтобы извлечь из-под седин
мысль, задремавшую до срока.

Когда сзывает муэдзин
единоверцев с минарета,
благодари его за это —
ты жив, пока ты не один...

Декабрь 2007

* * *

Л. Ф.

Любовь слепа. К тому ж бывает зла.
Любить охота, что неволи пуше.
В такую пору повстречав козла,
не ведаешь, что встреченный не лучше

других козлов. Суров козлиный нрав.
Чуть что, вспылит, как знамя хвост задрав;
тогда и на дворе трава не та!
О, как несдержан он, особенно с утра.

О, как остры рога! Скорее молока
его дождешься, чем ответной ласки.
И вряд ли стерпится и слюбится, пока
его характер столь крутой закваски.

Скорее с глаз долой, скорей из сердца вон,
натерпишься и молодость погубишь.
Пока горит желания огонь,
надейся, что ответное разбудишь

в душе распахнутой, где жалость проросла,
и не к себе лишь — ко всему живому.
Трудяга вол, свой хлев, покой, солома —
вот долгожданный антипод козла!

Иль, поборов сомнения и страх,
повернуться в сторону традиций
навстречу мулу, чтоб освободиться
от памяти недоброй о рогах.

Пусть не красавец он — с лица воды не пить,
зато отзывчивый. С козлом осатанеешь,
помилуй, Господи, единой плотью жить.
С тоски и о грехе не пожалеешь.

А коль наскучит — брат его осел
задумчивый, по своему красивый,
порядочный, но в браке несчастливый...
Так помоги ему — осел ведь на козел!

Люби, коль любится! И робость не моги
благоразумьем звать. Грехи и кайся!
Себя, чтоб тратить и дарить побереги
и прежде времени в покой не погружайся!

* * *

Ко дню N-летия Инны Н.

Вот ты и повзрослела, Инна!
В посланьи бывшего грузина,
добавлю — бывшего блондина
не жди острот.

Письмо торжественно и чинно
пишу в стихах не беспричинно,
тем паче, рифм на имя «Инна» —
невпроворот.

Спускаясь с горки на равнину,
вглядишься в прекрасную картину,
не погружай себя в трясины
скорбей, невзгод.

Коль посетит тебя кручина,
утешься: близость Висконсина —
не то, что рядом Палестина,
авось, пройдет.

Не избегай соблазнов, Инна!
Пускай раввин не ест свинины,
пусть плоть грешна — душа невинна —
вот мой подход.

И вечерами у камина
с своей семьёю воедино
ты, попивая чай с малиной
под бутерброд,

припомни бывшего блондина,
кто вам, свою сгибая спину,
вдали от внуков и от сына
поклоны бьёт.

* * *

Розе Л.

Когда-то мог потрянуть мощной,
еще недавно — стариной,
теперь — трясущейся рукой
пишу о Розе.

Когда горит неяркий свет
дам тридцать пять, а сорок — нет!
Румянец, что таит секрет,
нежней мимозы.

Как вспомню — в эти тридцать пять
советская могла бы власть
тебя на пенсию послать —
глотаю слезы.

Но, пронесло! Прервав битье
за наше грешное житье,
та власть ушла в небытие,
почила в бозе.

Возможно ль быть с тобой на ТЫ,
когда все прочие цветы
в сравненьи форм и красоты —
такая проза!

Союз евреев и армян
дает плоды, а не бурьян.
Когда не спит садовник Ян —
не вянет Роза.

Боюсь еля перелить,
пересладить, недосолить,..
не время ль голову склонить
в учливой позе?

Июль 2005

* * *

Вадиму Вайнеру

Что было остро, стало пресно,
что ново — то неинтересно,
что обжигало — то остыло,
что возбуждало — то постыло,

что было впору, стало тесно,
что было кстати — неуместно,
не чтимы старые портреты,
теперь не те авторитеты.

Давно ль при взгляде на полено
мне мнилось женское колено;
произошел переворот —
я вижу все наоборот.

Словно вагонные составы
натруженно скрипят суставы,
я плохо сплю — сердцебиенье,..
меня терзают опасенья.

Когда уже все в мире спит,
все чаще чудиться мне стало,
как будто Frau Korenblit
меня лишает социала.

О, нервная система наша!
Я видел сон неоднократно,
как будто тех, чье имя Саша,
всех депортируют обратно!

Однако, сказанному выше
в портрете Вайнера нет места —
он слеplен из другого теста,
и мерка тут нужна повыше!

Что мне навырост — ему впору,
когда все под гору, он — в гору.
В трясине будней он не тонет,
не ищет жалости, не стонет!

Он зорко видит, много знает —
он периодику читает.
Он верит: в центре мироздания
лежит идея созиданья.

Он оптимист, в нем жар горит,
он часто правду говорит;
едва ль найдете вы еврея
Вадима Вайнера мудрее.

Стареем мы одновременно,
увы, никто не молодеет,
но Вайнер так стареть умеет,
что не стареет совершенно.

Он собеседнику не внемлет,
поскольку знает наперед:
в чужих суждениях — скука дремлет,
а в собственных — наоборот!

Июль 2003

* * *

Лазарю Юрковскому

Мой брат по разуму и крови!
Господь, окрашивая нас,
забыл покрасить наши брови,
чем обнаружил блеклость глаз.

Зато фамильный цвет моркови
родство не ставит под вопрос.
Маяк сверкает сквозь покровы
немногочисленных волос.

Живем по правилам своим,
помечены единой краской,
и нам не требуются маски,
необходимые другим.

Сегодня мыслей, дел и слов
обычным стало разночтенье...
Да сохранится единенье
тобою этих трех основ!

Незримо за одним столом
с тобою рядом восседаю

и стопку водки заедаю
с тобою общим огурцом.

Октябрь 2005

А.И. БАСКИНУ

«...Хочу, чтобы стихи мои читали,
преодолеть словесный карантин.
Хочу, чтобы друзья мои сказали:
— Ай да Аркадий, ай да сукин сын!»

Баскин Аркадий Исакович
«Зигзаги удачи»

Поэт по сердцу и душе,
рифм непокорных укротитель,
размеров, ритмов, ВЫРАЖЕ-
ний, ксенофобов обличитель,

прими от равного с тобой
по вере, крови и сословью
поклон — за то, что стихословьем
единоборствуешь с судьбой.

За то, что собственным грехам
ты не находишь оправданья,
за то, что причастил к стихам
признание, но не назиданье.

Пиши! И не сдавай в торгсин
перо золотое — дар господний.
Пусть ты еще не «сукин сын»,
зато Исака сын достойный.

Э. ХАЛАТУ

«Отнюдь не принимай почетных гостей
в разорванном халате»
Козьма Прутков «Мысли и афоризмы»

В холодный день,
надев халат махровый,
я к Халату зашел, соседу с этажа.
Он штопал свой халат
атласный, но который
потеря кое-где, хозяину служа.

Он шил и шил,
насупив взгляд суровый,
заделывая дырки в рукавах,
стежок к стежку —
халат опять как новый!
Я в изумлении воскликнул: ВАХ!

Халат готов. У Халата печали
в глазах уж нет. Как много лет назад
халата краски снова заиграли,
хотя немного залоснился зад.

Закончен труд.
Уложены в шкатулку иголка с ниткой.
Как светло кругом!

Творил творец с рассеянной улыбкой,
разглаживал халат электроутюгом.

Я Халата трудом, деянием его
был восхищен, лишился дара речи
— Скажи мне, как достичь успеха твоего?
Я знал тебя другим до этой встречи!

С презрением сосед
взглянул на мой халат.
Халат мой был не нов, он был махров местами,
едва держалась нить, не стиран был давно.
Кто б мог сравнить его с халатом Халата!

— Халатность не терплю, — мне Халат отвечал.—
Нельзя к халату так халатно относиться!
Чтоб твой халат на мой хоть чуть похожим стал,
придется, брат, тебе изрядно потрудиться.

Поверь совету моему.
Скажу тебе, как брату,
хоть провожают по уму,
встречают — по халату.

Май 2003

* * *

Д. Баренбойму

День на исходе, но прохлада
не наступает. Канонада
слышнее к вечеру. Пора
в подвале прятаться. Жара,

что на Святой земле привычна,
спадает к ноябрю обычно.
Теплом дарованым она
самой судьбой накалена.

Сегодня днем иль завтра ночью
кто разорвав свою на клочья,
чужую плоть повергнет в прах,
того вознаградит Аллах.

А поутру, само собою,
в ответ солдат готовят к бою.
Воздастся каждому сполна —
за них помолится страна.

По уставному положенью
зовется человек мишенью,
а от мишеней патриот
который год победы ждет.

Победы нет и вряд ли будет.
Но есть война, нужны ей люди.
Будь то араб или еврей, —
ей нужно потреблять людей.

Какой потерпит полководец,
когда безвластный миротворец
возникнет на его пути
к победе — мать его ети?!

При том, что он неправомочен,
да и в политике — не очень,
коль снарядил не батальон —
детей враждующих сторон,

чтоб показать, как мир устроен,
когда глухой к вражде Бетховен
его звучаньем оживит
и разобщенных съединит.

Не носит Человек творящий
для узнаванья знак иль чин —
от большинства прямоходящих
он тем без званья отличим,

что проникает в чьи-то души
им сотворенное — для всех,
имеющих глаза и уши,
не претендуя на успех;

что болен не своей лишь болью,
в войне признавши без затей
людьми устроенную бойню
для истребления людей.

Финал. Умолкли инструменты.
«Маэстро, бис!!!», аплодисменты...

Пустеет зал. В ночную глушь
толпа несет согласие душ,

с восторгом растворясь там,
все расставляя по местам:
патруль — в дозор, патрон — в обойму,
в футляры — скрипки, Баренбойма

увозят под охраной в ночь,
поскольку парни из засады
и те, да и свои с досады
по цели пострелять не прочь.

А завтра он в вечерней прессе
прочтет анафему себе,
оркестру своему, всем вместе
от мулл, раввинов и т.д.

Когда б был век очеловечен,
то титулом при именах
«Их светлость» Моцарт был бы венчан
и «Их преосвященством» — Бах.

А Вас, маэстро, величал бы
я благодарно «господин»,
пред Вами голову склонял бы
и знаю, что не я один.

Да жаль! Опачкать первородство
и добрые свои дела
решили Вы не без юродства
«гражданством» новым навсегда.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Вот опять, дождавшись мая,
год в подарок принимаю,
то, что было — прирастив,
что осталось — сократив.

Для чего же в самом деле
отмечают юбилеи?
И чему виновник рад,
встретив собственный закат?

Мне друзей привычны речи,
заготовленные к встрече.
Мне знаком от них привет,
им известен мой ответ.

Я читаю в их молчаньи
мне беззвучное посланье,
а они, хоть я молчу,
знают то, чего хочу.

Споры истин не рождают,
от друзей не ожидают
ни прозрений невпопад,
ни запальчивых тирад.

В переменчивом пространстве
все дороже постоянство
круга избранных людей,
возведенных в ранг друзей.

Потому в начале мая
снова всех пересчитаю;
если все — от А до Я,
то поздравлю сам себя.

Май 2004

НАЗИДАНИЯ

* * *

Прожив немало лет, познав значенье слов,
сварив в одном котле предательство и братство,
шепчу себе вослед, как древний богослов:
«Все суета сует, а жизнь — сплошное блядство...»

Но важно ощутить значение момента,
биенье пульса времени и моды:
ты опоздал — и выпал из колоды,
ты не в струе — не жди аплодисментов.

В толпе, орущей «ЗА!», кто против, тот не с нами;
чье громче большинство, будь с теми заодно.
Но час придет помочь тому, кто тонет рядом
и был с тобою «ЗА», отправиться на дно.

Будь к самому себе внимательным и чутким,
а к промахам других принципиально строгим,
наотмашь по местам чувствительным и хрупким
бей, чтоб запомнилось и робким, и убогим!

Старайся быть безмерно добрым — как бы,
дари щедрей ненужные предметы,
не будь скупым на добрые советы
с присловием: «коль были б деньги, дал бы!»

В отчаяньи сосед твердит о наболевшем —
он стар и одинок, невзгодами измучен.
В ответ пренебреги печалью надоевшей
и расскажи ему, как ты благополучен.

Доверив тайны ближнего другому,
предупреди, что тайна — чрезвычайна!
Чтоб он по телефону по глухому
не выдал бы кому тебя случайно.

В суждениях о других корректен будь и точен:
«Да, Рафаэль велик, но очень был порочен,
талантлив М., но внешность троглодита,
красива Н., умна, но блядовита»...

Житейский опыт свой, премудрость бытия,
тревожась за судьбу грядущих поколений,
спешу им передать — ведь кто, коли не я,
поможет им прожить без горьких заблуждений!

* * *

Не упрекайте взрослых сыновей —
неблагодарны, мол, добром не отвечают.
Ведь старый корень не бранит ветвей
за то, что сок ему не возвращают.

Они оплатят все, что мы приберегли,
наследья нашего достойною ценою:
несовпадением — Хотели и Смогли,
улыбкой теплою, усмешкой ледяною.

Не укоряйте тех, кто дорог и любим,
примите их упреки и печали,
коль сыновьям не додадут своим,
как мы когда-то им недодавали.

Конечно, мы отличны от зверей —
в своих повадках зверь намного строже,
но не терзает собственных детей
за то, что на него они похожи.

Март 2005

* * *

*Михаилу и Георгию
Палагашвили*

Я не указчик сыновьям,
идушим по своим дорогам
все дальше, дальше от порога
страны всеобщего вранья,

Что рухнула и погребла
в обломках собственных святилищ
своих химер, вождей — страшилищ,
жрецов, чьи тайны берегла.

«Мысль изреченная есть ложь» —
и это истиной признавши,
ты к заключению придешь:
сие сказавший — суть солгавший.

И мне поверить не прошу —
хочу вложить лишь в ваши уши
(а если повезет, и в души)
слова, что я в себе ношу.

Я б вам желал употреблять
на то отпущенные годы,

чтоб слово мыслью пополнять,
очистив от пустой породы

правдоподобья — лжи вдвойне,
распознаваемой не сразу,
как стразы, схожие с алмазом
по виду, но не по цене.

Не сожалейте, коль в прямом
не узнаете отраженьи
того, кто другом от рожденья
казался в зеркале кривом.

Но пусть вам Тех не достает,
без Вас которым — невозможно.
Пусть эта встречная тревожность,
соединяя вас, живет.

Январь 2008

ПО ТЕЛЕФОНУ

Вечереет. Сеет дождь. Густая мгла
в дом проникла и меня заволокла.
Скоро девять — это я, привет, сынок!
Как делишки? Дрянь погода. Не промок?

Одевайся потеплее. Как с едой?
Не болеешь? Холодильник не пустой?
Что с зачетом? Ну, ни пуха, ни пера!
Отвечать ты должен «К черту!» — знать пора.

Как с работой? Мягко стелют — жестко спать?
Это временно, ведь нам не привыкать.
Будь уверен — мы поддержим, не беда!
Я — с тобой и мама тоже. Как всегда!

Постарайся хоть немного отдохнуть.
Прогуляйся перед тем, как лечь в кровать.
Приезжай, когда возможно — так хоч
потрепать по волосам и по плечу.

Я — в порядке. Мама что-то не в себе.
Мы в субботу собираемся к тебе.
Будешь занят? Понимаю, не сержусь.
Ну, конечно, по хозяйству повожусь.

Я привык в своем занятии видеть смысл,
но его поток злосчастный будто смыл.
С той поры несет меня вода,
может, к берегу, а, может, в никуда.

Есть идея? Уж не шутишь ли опять?
Коль сможешь, я согласен. Завтра в пять.
Говоришь, для разговора пригласят?!
Неужели я им нужен в шестьдесят?!

Дождь утих. Ему вослед исчезла мгла,
от души немного смута отлегла.
— Ну пока, сынок. Спокойной ночи, будь!
Не тревожься, я попробую заснуть.

Март 2005

* * *

Ругаю сына за строптивость,
за необдуманность решений,
за своеволие, нерадивость
и за другие прегрешенья.

Но, если кто другой осудит,
его с бесстрастной правотою,
того за недруга сочту я
с его рассудочностью злою.

Ругаю я страну больную,
ту, где прожил до седины я,
с которой разделял, горяя,
ее злосчастья роковые.

Но, если кто ее помянет
все новым радуясь напастям,
тот мне союзником не станет
с своим непрошенным участием.

Доверю я свои тревоги
себе — надежней нет охраны.
Не стану я искать подмоги
у мясника в леченьи раны.

Январь 2004

* * *

На пути к успеху, славе
среди преград нагроможденья
есть барьер, который вправе
каждый взять с пренебреженьем.

Это — стыд, через который,
преступив, не выйти к Храму,
но откроются просторы
нечувствительному к сраму.

Для плывущих прямо к цели
заготовлены ответы
чтоб смогли, минуя мели,
плыть поверх табу и вето.

Страшно только поначалу
окунуться в непотребство,
чтоб оно привычным стало —
цель оправдывает средство!

Ну, а если тот, кто рядом,
отстранится молчаливо
и в ответ лихим тирадам
лишь поморщится брезгливо,

плюнь! Он слеп. Пути не знает,
не поймет, где въезд, где выезд,

смысла слов не постигает
«стыд не дым, глаза не выест».

Счастлив, кто, не замечая
ни запрета, ни заклятья,
правомочье утверждает
самодельною печатью!

Апрель 2004

В О СЛАВУ ТЕЛА

ВО СЛАВУ ТЕЛА

Когда б объединить я смог
слова и дело,
я б из сонетов сплел венок
во славу тела.

Воздал бы я его страстям
благословенью,
всем членам, органам, частям
и сочлененьям.

Я рассказал бы о руках,
прикосновеньях,
плечах, ладонях и локтях,
об их движеньях.

И если б я поэтом стать
имел надежду,
я б мог про ноги написать,
о том, что между.

Я к сути шел бы прямиком,
когда б из мрака
мне не грозила кулаком
тьнь Пастернака.

РУКА С РУКОЮ ГОВОРИТ...

Тем, кто не верит чудесам,
скажу: они — не вздор.
Я убедился в этом сам,
подслушав разговор

двух рук, из коих левая
о правой говоря,
высказывала мнение,
задевшее меня:

— Ты пользуешься силою,
чтоб брать и отнимать
и с наглостью спесивою
меня не замечать.

Рука зубодробящая
не вправе правой быть,
не обретая вящего
желания дарить!

В ответ на покушение
на силу и права
звучали с раздражением
гневливые слова:

— Твои мне слушать благи
наскучит до утра.
Ты прячешь лень и слабости
за ширмою добра.

Твоим упреком кормится
с надеждою чужак,
что пятерней раскроется
добычливый кулак.

Смела — с моей защитою,
щедра — моим добром,
добытым грубой силою
иль нажитым трудом.

Бессоницею мучимый
их помолчать молю:
опять они озвучили
раздвоенность мою.

Сентябрь 2005

ДРУГУ

Спасибо, друг неугомонный,
за то, что в жизни монотонной
мне свет дарил

и жажды приключений полон
ты, как и я, с прекрасным полом
приветлив был.

Ты просыпался среди ночи,
а я, с трудом продравши очи,
с тобою бдил.

С поднятой гордо головою
трудился ты и я с тобою,
что было сил.

По заповедникам прелестным,
по холмам и ущельям тесным
меня водил.

Сверкая лысиною красной
ты в исступлении прекрасном
порывом жил.

Благодарю тебя, Природа,
что нас союз мужского рода
объединил.

Ты удали от нас мгновенье,
когда наступит утомленье,
иссякнет пыл.

ХВАЛА НОГАМ

Вас у меня лишь две. Не шесть, как у жука,
и не четыре, словно у собаки.
Вам, что несли и носите пока
при свете дня и в непроглядном мраке

меня, и что во мне и, сверх того — на мне —
спасибо каждой и обеим вместе!
Врагу не пожелаю и во сне
себя сидящим видеть на насесте.

Безропотно, в согласи меж собой
шалым страстям готовы подчиняться
и волей не своей принуждены порой
спешить, дрожать, скользить и спотыкаться.

Давным-давно могли бы вы устать
по прихоти то сердца, то желудка,
то глупой головы капризы исполнять
с неявными приметам рассудка.

За след, оставленный в пыли и на снегу,
хваляю, о Ноги, вас с благоговеньем,
еще за то, что преклонить колени
пред вами — с вашей помощью — могу.

БЛАГОДАРЕНЬЕ ГОЛОВЕ

Все чаще не в ладу с тобою аппарат:
вдруг смыслу вопреки язык сболтнет сужденье,
которым изумляет окруженье,
слабеет слух, а глаз подслеповат.

Теряя волосы и мыслей не родя,
все меньше своему ты отвечаешь званью,
все более на жопу походя,
не столь по форме, сколь по содержанию.

Терпенье потеряв, за то тебя корю,
что меньше думаешь, чем недоумеваешь.
Но множество проблем еще решаешь,
чихнув на них. За что — благодарю!

Содержание

Иосиф Малкиэль Время для стихов 6

Ташкентский двор

Автобиография	10
Из детства	12
Красота	14
Лукавый гений судьбами играет...	16
На излете	18
Отцу нации	20
Ташкент прослыл как город хлебный...	23
Независимость — лозунг бывалых вождей...	25
О той победе	27
На чашах весов вековечно...	29
Есть большое искушенье	31
Разговор	33
Своя игра	35

В архивах памяти

Вначале было Слово	38
Памяти Марины Цветаевой	40
Памяти М. А. Булгакова	42
Ужасы	48
В музее — тишина...	50
Увидеть лучше раз...	52
Вопросы	54
В архивах памяти, как в доме скопидома...	56

Дымы отечества

Который год пошел тому...	59
Бурлит еврейская община...	61
Терпенье господ	62
Дым отечества	64

Переменчивый ветер в апреле...	67
Письмо на родину	69
Шумит ночной Лорет-де-Мар...	72
Заповедник	74

В переменчивом пространстве

От Голодной степи до парижских аллей...	81
Бескомпромиссна и чиста...	83
Мы были молоды вчера...	84
Не жалей	86
Как бойко катит колесница...	88
Благодарю тебя, сестра...	90
Любовь слепа. К тому ж бывает зла...	91
Вот ты и повзрослела, Инна!	93
Когда-то мог потрянуть мошной...	95
Что было остро, стало пресно...	97
Мой брат по разуму и крови!	99
А.И. Баскину	101
Э. Халату	102
День на исходе, но прохлада...	104
Юбилейное	107

Назидания

Прожив немало лет, познав значенье слов...	110
Не упрекайте взрослых сыновей...	112
Я не указчик сыновьям...	113
По телефону	115
Ругаю сына за строптивость...	117
На пути к успеху, славе...	118

Во славу тела

Во славу тела	121
Рука с рукою говорит...	122
Другу	124
Хвала ногам	126
Благодаренье голове	127

*Вениамин Палагашвили
родился в 1941 году в Ташкенте.
В 1963 году окончил Ташкентский институт инженеров
железнодорожного транспорта по специальности
«Промышленное и гражданское строительство».
Более 35 лет занимался научно-исследовательской и
преподавательской деятельностью.
Кандидат технических наук, доцент.
С 1999 года живет в г. Майнце, Германия.*